

Иван Сергеевич Тургенев

**Путешествие по святым
местам русским**

Иван Сергеевич Тургенев

Путешествие по святым местам русским

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001395*

Аннотация

В рецензиях на «Путешествие по святым местам русским», появившихся одновременно с рецензией Тургенева, в первую очередь отмечалось, что эта книга будет способствовать пробуждению в читателях религиозных чувств. Тургенев понял ее значение иначе. Сказав во вступительной части рецензии об историческом значении принятия Россией христианства, Тургенев подчеркнул, что книга Муравьева интересна своими рассказами о монастырях, которые в прошлом сыграли значительную роль как крепости, противостоявшие иноземным захватчикам, а в настоящее время являются хранилищами памятников русской старины: летописей, созданий зодчества, живописи и т. д. Впоследствии с точки зрения исторической и научной, а не только религиозной, книга А. Н. Муравьева была оценена на страницах «Отечественных записок».

Содержание

Примечания

31

Иван Сергеевич Тургенев

Путешествие по святым местам русским

*С.-Петербург, в тип. III отдел, собственн. е. и. в.
канцелярии, 1836 года.*

Какое неизъяснимо величественное явление представляет нам история христианства! Двенадцать бедных рыбаков, не ученых, но сильных верою в Спасителя, проповедывают слово божие – и царства, народы покоряются всемогущему призыванию, с радостью принимают святое евангелие, и через три столетия после того мгновения, когда совершилось великое дело искупления, уже по лицу почти всей тогда известной земли воздвигаются алтари истинному богу, падают алтари ложных богов... Не то ли же самое явление представляется нам в истории Руси в конце X века? Целый народ, следуя примеру своего князя, толпами стремится принять святое крещение, покидает своих идолов, предания своих отцов и с готовностью принимает новую, дотоле ему неизвестную религию. И этому причиною было могущество истины, непреодолимая сила веры на простые, неиспорченные души... «Будьте как дети»,¹ – сказал Спаситель, – и как де-

¹ «Будьте как дети»... – По евангельской легенде, Иисус, обращаясь к ученикам, сказал: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство

ти, послушные зову отца, народ русский последовал князю своему на берега Днепра, где святая вера приняла их в свои объятия.² И с тех пор укоренилось благочестие в русском народе, и вместе с ним – та преданность и верность своему государю, то непоколебимое мужество против врагов православной отчизны, которые возвели Россию на столь высокую ступень могущества и славы.

Религия в течение XI века соединила узами веры разноплеменные народы одного славянского корня. Но дух феодализма, дух деления земель, господствовавший тогда по всей Европе и принесенный норманнами в Россию, не дал великому русскому народу соединиться в одно могущественное государство; судьбы божию совершились: Россия подпала игу народа чуждого. Наступило время испытания, ниспосланного на нее богом, – время владычества монголов. Тогда наше духовенство одно поддерживало самобытность России; оно одно не преклоняло главы пред чужеземным игом; им одушевленные, умирали князья, гибнул народ за православную веру, за свободу отчизны – и наконец, после долгого и упорного борения, сокрушил свои узы.³ Но и впослед-

Небесное» (Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 3).

² ...народ русский ~ святая вера приняла их в свои объятия. – В 988 г. великий князь киевский Владимир Святославич разрушил в Киеве идолов и призвал жителей принять христианство.

³ ...гибнул народ за ~ свободу отчизны ~ сокрушил свои узы. – В 1223 г. русские в битве с монголо-татарами на р. Калке потерпели поражение. В 1380 г. объединенные русские войска под руководством Дмитрия Донского разгромили

ствии духовенство принесло России великие услуги: в смутное время самозванцев вторично спасли наше отечество мужи, подобные Гермогену, Дионисию, Авраамии Палицыну.⁴ Словом, наше духовенство будет всегда иметь неоспоримое, священное право на признательность и уважение потомков.

Между тем не забудем и того, что едва Русь получила от греков священный дар – веру Христову, как уже в недрах ее явились люди, исполненные любовью к богу и ревностью к церкви, которые сами стремились передать ее другим народам, еще объатым мраком язычества. Жертвуя своею жизнью для распространения учения Христова, преодолевая тысячу опасностей, неустрашимые отшельники удалялись на берега Ледовитого моря, в болота Финские, в степи При-

монголо-татар и изгнали их с русских земель.

⁴ ...мужи, подобные Гермогену, Дионисию, Авраамии Палицыну. – Тургенев называет имена активных участников борьбы против польской и шведской интервенции начала XVII в. *Гермоген* (не позднее 1530–1612) – русский церковно-политический деятель, в 1606–1612 годах – патриарх всероссийский. В 1610 г. рассылал грамоты с призывом к всенародному восстанию против польских интервентов, за что был посажен в тюрьму, где и умер от голода. *Дионисий* (светская фамилия и имя Зобниковский Давид Федорович, 1570 или 1571–1633) – русский церковный деятель: в 1610–1618 годах – архимандрит Троице-Сергиевой лавры; поддерживал патриарха Гермогена. В 1612 г. при освобождении Москвы Дионисий послал драгоценные монастырские ризы в залог казакам, которые отказывались помогать народному ополчению до выплаты жалованья. *Авраамий Палицын* (до принятия монашества – Аверкий Палицын, ум. в 1626 г.) – русский политический деятель и писатель, с 1608 г. келарь Троице-Сергиевой лавры; в 1610 г. активно содействовал победе народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского. Автор «Сказания Авраамия Палицына», основная идея которого – патриотическая, борьба против иностранных захватчиков.

волжские; основывали пустыни на островах необитаемых, среди лесов непроходимых, где жили трудами рук своих. Они не ограничивались святой уединенной жизнью; сильные своей верой, они разрушали капища, истребляли идола, и простым, диким жителям тех стран отдаленных проповедовали на их языке евангелие, и пример этих новых апостолов, их слова – увлекали многих... То же явление внутри России, около Киева, Новагорода, Владимира, Москвы. Спасаясь от ужасов междоусобий, от ига монголов, люди, проникнутые живой любовью к богу, оставляли всё житейское и удалялись в леса, в пещеры; несмотря на их старанье, они не могли укрыть святой жизни от любопытства, благочестия других. К ним начинали стекаться ученики, готовые во всем следовать примеру наставника, и монастыри стали возникать по всей России. Как должны быть для нас любопытны эти обители, единственные памятники, оставшиеся нам от времен давно минувших, свидетели стольких войн, стольких кровавых междоусобий, с их старинным зодчеством и живописью, с преданиями об их святых основателях! Всё это, и уединенная жизнь монахов, и эта непоколебимость среди бурь и волнения, как будто самое время охраняло эти святыни, – всё это должно наполнить душу русского умилением. Не забудем и того, что в монастырях мы нашли *Летописи*,⁵ сокрови-

⁵ *Летописи*... – Памятники общественной мысли и культуры Древней Руси – создавались не только при монастырях, как пишет здесь Тургенев, но и при княжеских дворах, в канцеляриях митрополитов и епископов, в посадничьих избах (см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно историческое значение. М.:

ща нашей истории; что единственно сим мирным отшельникам мы обязаны тем, что древняя Русь, с славою ее князей, ее битв, ее народов, не погибла для нас. Таким образом, мы должны сознаться, что монастыри должны быть предметом всего нашего уважения и внимания.

Между тем доселе многие монастыри остаются в забвении; известные жителям одной части России вовсе неизвестны жителям другой; иные, посещаемые только усердными богомольцами, ускользают от внимания не только светских людей, но даже и ученых. Такое равнодушие к сим святым местам равно противно и духу веры, и патриотизму, и самой пользе науки. С каким же удовольствием видим теперь писателя, одаренного истинным талантом и согретого любовью к святыне веры и к отечеству, который посвящает свое перо описанию предметов столь драгоценных сердцу христианина и русского. Еще прежде (в 1830 году) посетил он древний Иерусалим и в изящном рассказе передал нам впечатления,⁶ которые почувствовал при виде сей земли, где долгое время жил народ избранный, где благоволил явиться бог во плоти человека, где он страдал за нас! Там всякий шаг ознаменован великими воспоминаниями. Иерусалим, гроб Спасителя, был также предметом великой 300-летней борьбы Ев-

Л., 1947).

⁶ ...в изящном рассказе передал нам впечатления... – Речь идет о книге А. П. Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 году». СПб., 1832.

ропы с Азией.⁷ Для нас как христиан важны такие воспоминания; но как русские мы с невольным умилением внимаем рассказам о святой жизни наших отшельников и описанию наших обителей, ознаменованных подвигами доблестей духовных и гражданских пред лицом бога и отечества.

Из многочисленных монастырей наших Троицкая Сергиева лавра⁸ более всех заслуживает быть предметом внимания русского. Если она по древности далеко уступает Киево-Печерской лавре, соборам Киево-Софийскому, Новгородскому, Ростовскому, даже некоторым церквам московским, зато богата историческими воспоминаниями. Вид ее старых стен переносит нас в то бедственное время, когда необузданные полчища врагов, возбужденных жадной добычи, более года осаждали Троицу, и, после многократных приступов, со стыдом, с тяжкой потерей отступили от стен ее! Эта обитель была первою целью путешествия автора в прошлом 1835 году.

«Путешествие по святым местам русским» разделяется на четыре отделения: *Троицкая лавра, Ростов, Новый Иерусалим* и *Валаам* – места, в разное время посещенные автором. Он говорит нам о наружности храмов, об их истории, древностях, и мы считаем приятнейшею обязанностью пред нашими читателями сколько можно ближе ознакомить их с со-

⁷ ...гроб Спасителя, был также предметом великой 300-летней борьбы Европы с Азией. – Тургенев имеет в виду так называемые крестовые походы 1096–1270-х годов.

⁸ *Троицкая Сергиева лавра* – Троице-Сергиева лавра основана Сергием Радонежским (ок. 1321–1391) в середине XIV в.

держанием сего описания. Начнем с Троицкой лавры:

Изложением своих чувствований при виде этой древней обители, в тихую летнюю ночь, при свете лупы, озарявшей золотые куполы церквей, начинает автор свой рассказ. Он переходит потом к описанию Успенского собора; останавливается перед гробами трех славных мужей: Иосафа Скрипицына,⁹ св. Серапиона,¹⁰ архимандрита Дионисия. Великие подвиги, святая жизнь Сергия заставляют благоговеть каждого перед той ракой, где почивают нетленные мощи его, куда притекают «поклонники от всех концов России: одни богатые благами земли; другие – только своею верою и странническим посохом». Небольшой сей собор весь украшен благочестием царей и признательностию людей, исцеленных представлением чудотворца. Феодор Иоаннович, Иоанн Грозный, Борис Годунов, Михаил Феодорович, императрица Анна – все ревностно старались украшать храм, содержащий в себе эту святыню. Но выше всех драгоценностей две древние гробовые доски с двумя на них образами преподобного, из коих один написан царем Феодором; другой, который поменьше, сопутствовал во всех походах государям Алексею Михайловичу и Петру Великому и носился перед рядами русских ополчений в 1812 году, в знамение представительства святого угодника за православное его отечество.

⁹ *Иосаф Скрипицын* (ум. 1555 г.) – архимандрит Троице-Сергиевой лавры, затем митрополит всероссийский.

¹⁰ *Св. Серапион* (ум. 1516 г.) – архиепископ новгородский.

От описания собора автор переходит к истории лавры. С милением читаешь страницы, где он описывает отшельническую жизнь Сергия. Вот он благословляет Димитрия на великое дело избавления отчизны; вот к нему собираются ученики, которые впоследствии, по велению Сергия, становятся основателями обителей; монастыри: *Андроньевский, Голутвинский, Высоцкий* получают от него своих первых игуменов. Пафнутий Боровский,¹¹ св. Иосиф Волоколамский,¹² «сия духовная отрасль – говоря словами автора – постепенно происходит от св. Сергия, каждому поколению даруя великого мужа». Но всех роскошнее пустила ветви Симонова обитель¹³ основанная Феодором, племянником Сергия. Из нее вышел св. Кирилл Белозерский, апостол Северного края, учитель Савватия, основателя Соловецкой обители.¹⁴ Так распространялось благочестие, умножались монастыри,

¹¹ *Пафнутий Боровский* (ум. 1478) – основатель Боровско-Пафнутьева монастыря.

¹² *Иосиф Волоколамский*, или Волоцкий, в миру Иван Санин (1439/40–1515), – церковный писатель и полемист, глава течения иосифлян, ставивших церковь выше государства; основал в 1479 г. Иосифо-Волоколамский монастырь.

¹³ ...*Симонова обитель* – Симонов Успенский мужской монастырь в Москве, основан в 1379 г. Монастырь стал крепостью, защищавшей столицу с юга.

¹⁴ ...*Кирилл Белозерский ~ учитель Савватия, основателя Соловецкой обители*. – Кирилл Белозерский, в миру Косма (Козьма) (1337–1427), в 1388–1390 гг. был архимандритом Симонова монастыря в Москве, в 1397 г. основал Кирилло-Белозерский монастырь на берегу Сиверского озера (ныне Вологодская обл.), автор сочинений религиозного характера. Соловецкий монастырь был основан в конце 20–30-х годах XV в. монахами Кирилло-Белозерского монастыря Савватием и Зосимой на Соловецком острове в Белом море.

и центром этого круга была святая лавра.

И вот лавра уже становится поприщем событий исторических. В соборе ее великий князь Василий Темный в 1446 году сделался жертвой измены, схвачен князем Иоанном Можайским, сообщником врагов его, Шемяки и Косого.¹⁵ Супруга Иоанна III, бездетная царица София, теплыми молитвами к угоднику получает сына, крещенного над его ракой, – Василия.¹⁶ В свою очередь Василий, часто прибегая к угоднику, перед смертью обрадован рождением Иоанна, который, будучи с колыбели посвящен ему, пред своим походом в Казань прибегает к его предстательству; в Казани и в Свияжске, где пленные черемисы видели самого святого старца, сооружает в его имя монастыри, и по возвращении закладывает в Троицкой лавре церковь Сошествия святого духа. Вспомним и то, что и во время гонений и опал грозный Иоанн всегда сохранял уважение к сей обители и ставил ее в

¹⁵ ...*Василий Темный в 1446 году сделался жертвой измены, схвачен князем Иоанном Можайским, сообщником ~ Шемяки и Косого.* – Василий II Васильевич Темный (1415–1462), с 1425 г. великий князь Московский, против которого выступила коалиция удельных князей во главе с его дядей – галицким князем Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Василий II был ослеплен своими противниками (отсюда прозвище «темный»), но это не помешало ему в начале 50-х годов XV в. одержать победу и ликвидировать почти все мелкие уделы внутри Московского княжества.

¹⁶ *Супруга Иоанна III ~ получает сына ~ Василия.* – Василий III Иванович (1479–1533), великий князь московский с 1505 г., был сыном Ивана III Васильевича и Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора, и отцом Ивана IV Грозного.

пример прочим монастырям (см. письмо Иоанна к игумену Кирилловской обители, стр. 19). В стенах же Троицкой лавры в мире и тишине проводил последние годы своей страдальческой жизни знаменитый Максим Грек,¹⁷ посвятивший жизнь свою для пользы церкви и просвещения.

Троицкую Сергиеву лавру посещали два патриарха: Иеремия, в царствование Феодора Иоанновича, и Феофан, спустя 30 лет, в царствование Алексея Михайловича. Но между этими двумя посещениями лавра претерпела достопамятную осаду¹⁸ (она продолжалась 16 месяцев). Всякий русский знает подробности этой славной для нас осады; по сей причине автор только упоминает о ней: но зато он приводит грамоту воевод и архимандрита в ответ на предложения Лисовского и Сапеги и отрывок из жития архимандрита Дионисия, где описаны невероятные жестокости поляков против жителей столицы, число умиравших от ран, приносимых в лавру, и помощь, которую иноки подавали сим несчастным страдальцам. Ответная грамота разительна своей силой; она преисполнена верности к царю, несчастному Василию Шуйскому.

Подивиться таким подвигам благочестия и мужества при-

¹⁷ *Максим Грек* (наст. имя и фамилия – Михаил Тривомес, 1475–1556) – публицист, писатель, переводчик. Аскет по убеждению, Максим Грек резко критиковал быт русского духовенства. На церковных соборах 1525 и 1531 годов был приговорен к ссылке. В 1551 г. переведен в Троице-Сергиев монастырь, где и умер, оставив обширное литературное наследие.

¹⁸ ...*лавра претерпела достопамятную осаду*... – Речь идет о попытке захвата монастыря польско-литовскими войсками Лжедмитрия II в 1608–1610 гг.

шел из Иерусалима святитель Феофан.¹⁹ Автор выписал рассказ о посещении Феофана из того же жития Дионисия. Невольно умиляешься при чтении этих страниц, как плакал и молился престарелый Феофан перед ракой св. Сергия; как расспрашивал у иноков подробности долгой осады; как возложил свой клобук на главу Дионисия, еще жившего в то время. Феофан застал еще в живых и двадцать старцев, которые в грозное время осады не слагали с себя оружия, пока Сапега не отступил от лавры; всех их славнее был Афанасий Ощерин, уже пожелтевший в сединах. Как трогателен разговор его с патриархом! Феофан его спрашивает: «О старче старый! на войну ли ты еси исходил и начальствовал пред вои мученическими?». Ощерин отвечает: «Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными!». И на вторичный вопрос его: «Кое ти свойственнее: иночество ли в молитвах особь, или подвиг пред всеми людьми?» – смиренно рассказывает ему, что потерпел и что еще терпит. – «Всякая вещь и дело, владыко святой, в свое время познавается: у вас, святых отец, от господа бога власть в руку прощати и вязати, а не у всех; что творю и сотворих в повелении послушания» – и, обнажив главу свою, поклонился ему и рече: «Известно ти буди, владыко мой! се подпись латынян на главе моей от оружия, еще же в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в келлии седа в молитвах, как можно найти было

¹⁹ ...святитель Феофан. – Патриарх Иерусалимский Феофан был послан в Россию вселенскими патриархами для поддержания православия.

из воли таких будильников к воздыханию и стенанию? А всё се бысть не нашим изволением, но пославшим нас на службу божию». Дивиться ли после сего, что лавра не сдалась врагам, имея в стенах своих таких доблестных воинов царя небесного и царя земного.

Дионисию и Авраамию Палицыну принадлежит вечная слава освобождения Москвы. Они посылали своих ратных людей на помощь защитникам столицы, действовали увещаниями, деньгами; их грамоты, гонцы рассылались в Калугу, в Коломну, в Тулу, во Владимир, в Нижний; везде возбуждали они любовь к родине, ненависть к врагам; они убедили Пожарского принять начальство над войском; отдавали ризы, стихари за неимением денег; они спасли Москву, спасли Россию. Наконец, они убедили юного Михаила Феодоровича принять царство и, дав России благословенный дом Романовых, тем упрочили навеки ее благополучие и могущество.

Война кончилась. Поляки, в последний раз покусившись, под предводительством Владислава, возобновить угасший спор, были отражены тем же Авраамием. «Торжество мира, – говорит автор, – было торжеством лавры: она одна устояла в пятнадцатилетнюю бурю; ее каждая развалина казалась раною целого отечества; ее каждый инок был витязь: в ней одной стеклись все главнейшие воспоминания долгой войны, и ни единой изменою не запятналась ее слава».

Но еще много великих заслуг России оказала сия святая обитель и в последствии времени: два раза укрыла она юно-

го Петра,²⁰ и ее стены, остановившие поляков, остановили стрельцов мятежных. Не коснулись сей святыни и французы в 1812 году: они ведали ее богатства, великолепие окладов св. икон, устремились к ней с жаждою добычи и с половины дороги воротились. А между тем защитниками ее были одни иноки, или, лучше сказать, ее защитником был св. Сергей, который еще дважды охранил свою обитель: в 1770 году от язвы, в 1831 от холеры. Ни одного человека не погибло от заразы в ограде лавры, а многие больные, притекавшие к раке преподобного, нашли там исцеление.

Автор переходит к описанию окрестностей лавры и мест, прославленных либо счастливыми вылазками, либо упорным боем. Это описание чрезвычайно занимательно: но следовать за ним довольно трудно, по причине множества любопытных фактов, представляющихся на каждом шагу. Заметим только то, что пивной Двор, находящийся вне ограды лавры и почти окруженный станом врагов, во всё продолжение осады не был взят; что главные приступы поляков были со стороны западной ограды... С высоких башен Троицы видна и церковь села Деулина, известного заключением мира между Россиею и Польшею, и дорога к Хатькову монастырю, куда бежали Сапега и Лисовский, испуганные приближением Скопина-Шуйского, и гора Волкуша, где Дионисий благословлял войско Пожарского на смертный бой с поляками, на освобождение Москвы!

²⁰ ...укрыла она юного Петра... – Во время Московского восстания 1682 г.

Из церквей Троицы Успенский собор начат Иоанном, окончен Феодором; церковь Сошествия святою духа воздвигнута Иоанном; церковь Рождества – императрицею Елизаветою; церковь Явления божией матери – императрицею Анною Иоанновною; храм Одигитрии Смоленской – графом Разумовским. Богатства, заключающиеся в ризнице монастыря, неоцененны; но всех их превышает первое сокровище Троицкой лавры: простая крашенная риза, посох, деревянные сосуды – они принадлежали святому угоднику.

Под сводами церквей, на кладбище монастырском, много покоится славных мужей, отдыхающих здесь от житейского волнения: Шеин, Трубецкой, Годунов со всем своим родом и другие.

Автор посетил также Вифанию, приют великого Платона,²¹ в недалеком расстоянии от лавры. Здесь всё носит на себе отпечаток души и оригинального ума сего знаменитого архипастыря: и иконостас, устроенный наподобие горы Фавора с алтарем Преображения на горе²² и с алтарем Вифания

²¹ ...посетил также Вифанию, приют великого Платона... – Вифания (еврейское – «дом бедности») – селение, лежавшее за горой Елеонской по дороге из Иерусалима к Иерихону. По преданию, это было любимое место пребывания Христа. В книге А. Н. Муравьева описан приют церковного писателя, митрополита московского Платона (1737–1812). Приют был основан им в 1783 г. по образцу сохранившейся в Вифании церкви, которая помещалась в пещере, получившей название Лазаревой – в ней был похоронен Лазарь до того, как Христос воскресил его (см.: Евангелие от Иоанна, гл. 11, ст. 1–46).

²² ...наподобие горы Фавора с алтарем Преображения на горе. – По библейскому преданию, на горе Фавор произошло преобразование Христа: лицо его просия-

внизу под горою, как бы в Лазаревой пещере, и гроб самого митрополита у пещеры, подле дубовой раки св. Сергия, в которой почивал угодник 30 лет до открытия его нетленных мощей, и самое название Вифания, напоминающее Новый Иерусалим Никона, с которым так душевно схож был Платон. Замечательна икона, стоящая на престоле, принадлежавшая Людовику XVI и во время революции привезенная в Россию.²³

Автор из Троицкой лавры направил путь свой в древний Ростов. Коротко, но занимательно его описание Переславля-Залесского, на пути к Ростову.

С поклонной горы, где поставлен усердием предков каменный крест, открылся Переславль-Залесский во всей древней благочестивой красе своей, на берегу тихого длинного озера, горящий в небе золотом крестов многих обителей и церквей. Неожиданно и вместе очаровательно было зрелище сего города; так уютно прислонился он к мирным

до таинственным светом, свидетельствующим о его божественном происхождении. На месте преображения Христа был воздвигнут алтарь (Евангелие от Матфея, гл. 17, ст. 1–13, от Марка, гл. 9, ст. 1–12).

²³ ...икона, стоящая на престоле, принадлежавшая Людовику XVI и во время революции привезенная в Россию. – Легенда связывает с именем Людовика XVI комнатный алтарь, находившийся в Вифанских кельях митрополита Платона, в гостиной (см.: Леонид, архим. Вифанские келии митрополита Платона и их убранство. М., 1880, с. 9). Всё имущество из Вифанских келий Платона было включено в 1929 г. в собрание Загорского музея, в коллекцию Троице-Сергиевой лавры; комнатный алтарь Людовика XVI хранится там и ныне (инв. № 2342). <Сообщено главным хранителем Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника Е. Н. Клитиной.>

водам, издали совокупляясь всеми своими храмами в один божий дом; так беспечно летели к нему белые паруса рыба-рей по спящей пучине, как бы в безбурный притон, создан-ный только для упокоения их смиренных лодок и бесстраст-ных душ. Так мне показалось издали с горы, у подножия по-клонного креста, и так могут всегда представляться предме-ты, если смотреть на них с подобной же точки.

Посетив в Переславле два монастыря: женский Феодоров-ский и мужской Никитский, где покоятся мощи св. Никиты, столпника XII века,²⁴ автор переходит к описанию древнего Ростовского собора. Начало его относится еще ко времени св. князя ростовского, Константина Всеволодовича;²⁵ но уже и во времена Владимира воздвигнута была на этом месте де-ревянная церковь во имя успения божией матери. Постепен-но украшенный епископом Игнатием в XIII веке и митропо-литом Ионою, древний сей храм еще доселе поражает нас своим величием; но огромная стена, его окружающая, четы-ре церкви внутри этой ограды, палаты архиерейские, трапе-за, где пиروвал Петр Великий, – всё в опустении с тех пор, как кафедра архиерейская перенесена в Ярославль. Под сво-

²⁴ ...мощи св. Никиты, столпника XII века... – Никита переславский, основа-тель монастыря под Переславлем-Залесским, последователь Симеона Столпника (V в.), монаха-аскета, прославившегося тем, что во имя добродетели и благоче-ствия стоял на столпе около 40 лет.

²⁵ ...св. князя ростовского, Константина Всеволодовича (1186–1219) – вели-кий князь владимирский; в 1216–1219 гг. вел большое строительство в Ростове и Ярославле.

дами древнего собора покоятся четыре великие святителя: св. Леонтий, уничтоживший язычество в Ростове, св. Исаия, преемник его, св. Игнатий, которого нетление просияло прежде предания тела земле, и св. Феодор, племянник Сергия.

В Ростове же был несколько времени митрополитом знаменитый Филарет Никитич Романов.²⁶ Заточенный Годуновым, возведенный Лжедмитрием на степень митрополита, потом томившийся в темнице в Варшаве, освобожденный оттуда сыном своим, уже державным, советник его во всё остальное время своей жизни, – он в счастии и в несчастьи был одинаково тверд и непоколебим. Автор приводит место из соборной летописи Ростова об известном его подвиге: Сапега с своей польской вольницей и жители Переславля, изменившие Василию Шуйскому,²⁷ ворвались в Ростов и окружили собор, где были собраны почти все граждане с своим пастырем, митрополитом Филаретом, удержавшим их от бегства в Ярославль. Тут он намеревался с ними умереть; но переславцы с литовцами выломали дверь, ворвались в божий храм, избили много народу и самого Филарета Никитича отослали в Тушино; он был освобожден на дороге войска-

²⁶ *Филарет Никитич Романов* (50-е годы XVI в. – 1633) – патриарх московский и всея Руси (1616–1633), отец Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых.

²⁷ *Василий Шуйский* (1532–1612) – русский царь в 1606–1610 гг.

ми князя Михаила Шуйского.²⁸

Из числа священных достопамятностей Ростова заметим жезл, хранящийся в Богоявленском монастыре и принадлежавший архимандриту Авраамию, современнику Владимира, тот жезл, которым он сокрушил идола жителей Ростова, мощи св. Петра, ордынского царевича, извлеченного св. Кириллом и принявшего св. крещение: они покоятся в обители Петра и Павла. Мы не говорим о мощах святителя Димитрия²⁹ в Яковлевском монастыре. Кому в России не известны его великие заслуги церкви, прославленные и по смерти даром чудотворения? Кто из нас не читал его творений и не умилялся теплым чувством, с которым они написаны? В Яковлевском монастыре автор наш имел занимательные беседы с нынешним архимандритом И...,³⁰ которые являют в сем почтенном старце глубокое смиренномудренное познание жизни.

В четырех верстах от Ростова находится малая обитель св. Троицы; здесь родился и был воспитан св. Сергей. Автор посетил на обратном пути в Переславле еще два монастыря: *Горийский*, древний и уже ветхий, и св. *Троицы*, где покоится

²⁸ ...войсками князя Михаила Шуйского. – Речь идет о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском (1586–1610).

²⁹ ...о мощах святителя Димитрия... – Речь идет о Дмитрие Ростовском (светское имя – Даниил Саввич Туптало, 1651–1709), церковном деятеле и писателе. В 1684–1705 гг. он создал многотомный свод житий святых – «Четьи-Минеи».

³⁰ ...с нынешним архимандритом И... – Имеется в виду Иннокентий Порецкий, поставленный 11 августа 1818 г. (ум. в 1847 г.).

св. Даниил, крестивший Грозного над ракой св. Сергия. Какое сближение великих имен! Автор, возвращаясь в Москву, еще раз посетил Троицкую лавру.

Приступая к содержанию третьей главы – «Новый Иерусалим», не излишним полагаем в нескольких словах представить характер его основателя. Патриарх Никон³¹ – одно из замечательнейших лиц нашей истории в XVII столетии. Одаренный волею твердою, умом тонким, честолюбием неограниченным, он был вместе с сим своенравен, горд, высокомерен; но вспомним, что он оказал России великие заслуги, умирил бунт в Новгороде; его ум часто руководил царя в делах государственных; он исправил неверный, во многих местах даже искаженный перевод священного писания и церковных книг, он ввел богослужение, более приличное своему высокому назначению. Его жизнь – разительный пример непостоянства счастья. Сперва мирный отшельник в Соловецком монастыре, постепенно возвышаясь, сделался он

³¹ *Никон*, светское имя Никита Минов (1605–1681) – церковно-политический деятель, в 1652–1667 гг. патриарх русской церкви. Весной 1653 г. Никон начал проведение церковной реформы (исправление книг и обрядов по греческим образцам), стремясь использовать эту реформу для укрепления церковной организации и усиления власти патриарха. Выдвинутый Никоном тезис «священство выше царя» привел к разрыву с царем Алексеем Михайловичем. Никон удалился в основанный им Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Церковный собор 1666–1667 годов снял с Никона сан патриарха, после чего он был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. В 1681 г. царь Федор Алексеевич разрешил Никону вернуться в Новоиерусалимский монастырь. В дороге тот умер (см.: Каптеров Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев-Посад, 1909–1912. Т. 1–2).

наконец другом царя, его советником: без его благословения не начиналось никакое важное дело; он пользовался уважением и доверием государя – и что же? Низведенный, или лучше сказать, по гордости нисшедший сам с патриаршего престола, он удалился на берега Истры, провел там 10 лет в молитве и начал исполнять свое намерение: воссоздать Иерусалим в России. Вызванный в Москву, осужденный духовенством, 15 лет заточенный на Белом озере, куда его отправили во время жестоких морозов, так что Иосиф, архимандрит Троицкой лавры, из сострадания дал ему свою шубу, наконец помилованный царем Феодором, он умер на обратном пути и погребен в своей обители, в воздвигнутом им Новом Иерусалиме. Трогательно изобразил автор кончину великого мужа. «Ударили в колокол к вечерне, – говорит он, – Никон стал кончаться! Озираясь, как будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы и бороду, и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь; духовник с братиею прочитал отходные молитвы, патриарх же, распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнув, – отошел с миром». Мысль – представить в России Иерусалим, сию священную цель стольких войн, стольких благочестивых странствований – достойна Никона и царя Алексея: они оба участвовали в плане сего великого предприятия, что свидетельствует надпись на кресте у Елеонской часовни, находящейся в недельном расстоянии от Нового Иерусалима. Но исполнял этот план один Никон во время своего произвольного 10-летне-

го заключения на берегу Истры. Автор, который за пять лет перед сим посетил древний Иерусалим, был более всякого другого в состоянии судить о сходстве и несходствах Нового Иерусалима с его подлинником. Главный вид отличен, и едва ли мог быть схожим. Вот слова автора:

Из-под высокой арки святых ворот открывается самый великолепный вид на здания собора с восточной их стороны: это чудная гора малых куполов и глав, своенравными уступами восходящая до двух главных куполов храма, и вся сия гора на разных высотах усеяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше. Но хотя зрелище сие великолепно и вполне достойно громкого названия Нового Иерусалима, оно совершенно отлично от образца своего. Правда, и там есть два купола над собором и полукупол над алтарем, и глава, выходящая из земли над церковью Обретения, но все без крестов, и всё кругом застроено террасами и плоскими крышами соседних монастырей Авраама и Абиссинцев, так что приметны только два купола над собором; всё же здание является в виде огромной, полуразрушенной твердыни!..

Величественный храм Нового Иерусалима был начат Никоном по получении из Палестины модели от старца Арсения Суханова, и в течение 10 лет он, удалившись от света и сложив бремя правления, успел воздвигнуть его по самые своды. Феодор Алексеевич велел продолжать строение, оставшееся в том же виде в продолжение пятнадцати лет –

во всё время заточения Никона, и только в 1685 году храм был освящен. Хотя отделение Вифлеем вовсе не сходно с Вифлеемом палестинским, церковь Рождества гораздо менее и не столь богата украшениями, мрачных подземелий храма Иерусалимского здесь вовсе нет, но храм Воскресения невольно поражает душу величественным сходством своим с священным подлинником. Притом же и самый храм палестинский разделен стенами на многие отделения для каждого вероисповедания, и тем нарушено его простое величие; но размеры собора, место Голгофы – всё одинаково. И здесь и там ротунда над гробом Спасителя возвышается свободно и легко и оканчивается высоким раззолоченным куполом с 75 окнами; и здесь камень, отваленный ангелом, и плита, на которой лежало божественное тело, всё было так поразительно своим сходством, что автор на мгновенье думал, что он снова в Палестине, снова под тем священным сводом, который осеняет божественные следы страдания и смерти Христа. То же самое чувство ощущал архиепископ горы Фавора Иерофей, ныне находящийся в России за милостынею. Однако и в самой часовне есть несходство; здесь она украшена простым степным письмом, а там мрамором; вместо бесчисленных лампад иерусалимских светит одна лампада... Самый собор, по мнению автора, короче, царская арка уже, иконостас устроен иначе, но вид всего собора с хоров, эти «далекие хоры и извилистые галереи», как говорит автор, эта огромность, эти возвышенные куполы, золотая ротунда над свя-

ценным гробом и наконец самый гроб, который автор уподобляет малому острову среди пучины или светлому облаку в эфире, – всё это поражает душу своим величием и заставляет благоговеть перед памятью того, кто возымел эту высокую мысль и привел ее в исполнение.

Тут же, на хорах находится портрет Никона во весь рост. Он изображен вместе с учениками его – архимандритом Германом и другими. Его высокий рост, черные и густые волосы, пронизывающие душу глаза, всё живо представляет зрителю сего великого мужа, одного из светил нашей церкви.

Автор описывает нам подробно приделы Иосифа и Никодима, Разделения риз, Тернового венца, церковь Гефсимании; он полагает, что строители сего храма не столько думали о сходстве с святым храмом палестинским, сколько о том, чтобы в одном храме совокупить все места, освященные каким-нибудь высоким воспоминанием и рассеянные по всей Иудее. Заметим также, что Новый Иерусалим, при одинаковой широте, длиннее четырьмя саженьями.

От обозрения этого прекрасного храма, коего план находится при конце книги, автор переходит к описанию обрядов, совершающихся в нем в подражание древнему. Место нам не позволяет следить рассказ, но мы упомянем только самые трогательные и любопытные обряды. Заметим, что патриаршие певчие во время литургии подымались с хоров на хоры всё выше и выше, так что наконец, во время совершения таинства, они были как бы ангелы на небесах: что

плащаницу с Голгофы всегда спускает сам архимандрит на холстах, как Иосиф и Никодим некогда спускали с креста тело Спасителя; что в страстную пятницу двенадцать евангелий о страстях господних читаются на самой Голгофе, перед крестом, на месте и в виду орудия страдания богочеловека. Голгофа в Новом Иерусалиме сделана по образцу Голгофы в древнем ее виде: ибо впоследствии святотатственная рука отсекла угол от древней скалы палестинской Голгофы и воздвигла на нем иконостас. Под Голгофой, в церкви Предтечи покоится вечным сном основатель храма, патриарх Никон.

Целию последнего путешествия сочинителя была обитель, достойная своею древностию обратить на себя внимание людей ученых и путешественников и доселе остающаяся в забвении, обитель Валаамская, на диком, лесистом острове Ладожского озера. Здесь, посреди лесов, на небольшой скале, обуреваемой волнами огромного озера, божественная вера, в лице смиренных отшельников, нашла себе уже с ранних времен приют от житейских бурь. Древность этой обители не подлежит сомнению: если мы и не согласимся с преданием, полагающим основателем ее самого св. апостола Андрея Первозванного,³² дошедшего до пустынного острова в сопровождении людей новгородских, то всё же имеем другие памятники о древности Валаама – рукописное житие Ав-

³² ...если мы не согласимся с преданием, полагающим основателем ее самого св. апостола Андрея Первозванного... – Андрей Первозванный – по Евангелию, апостол Иисуса Христа (от Матфея, гл. 6, ст. 18 и след.). По церковным преданиям, проповедуя христианство на Руси, он доходил до Новгорода и села Грузина.

раамия Ростовского, ученика Феоктиста, бывшего уже игуменом Валаама в 960 году, того Авраамия, который, исполненный верой, жезлом разрушил каменные идола в Ростове. Сверх того, софийский летописец³³ несколько раз упоминает о Валааме. Автор полагает, что житие основателей его, преподобных Сергия и Германа, должно отнести ко временам княгини Ольги.³⁴ Если это правда, то Валаам есть древнейшая известная нам пустыня в целой России. Недалеко от Валаама находится и Конев остров, где спасался св. Арсений в XIV столетии, пришедший сюда с горы Афонской, и другой остров, где основал пустыню св. Александр, удалившийся впоследствии на берега Свири; в Валааме подвизался также несколько времени Савватий, удалившийся потом на острова Соловецкие; словом, сей малый остров, говоря словами автора, был тем местом, откуда искра христианства блеснула языческому северу.

Но часто мирная тишина обители была нарушаема набегами шведов.³⁵ Два раза переплыли Ладожское озеро мощи

³³ ...софийский летописец... – Речь идет о Матвее Михайлове, которому приписывается составление около 1432 г. при Софийском соборе в Новгороде летописного свода «Софийский временник».

³⁴ ...ко временам княгини Ольги... – Ольга (христианское имя – Елена) (ок. 890–969), великая княгиня киевская.

³⁵ ...набегами шведов. – Остров Валаам находился на границе новгородских владений и неоднократно подвергался нападению шведов. В 1611 г. Валаамский монастырь был разрушен шведами и восстановлен только в 1715 г. по указу Петра I.

св. Сергия и Германа, и их принимал сперва Новгород, потом Никольский монастырь Старой Ладogi. Наконец, спустя сто лет после вторичного переселения, снова вернулись они на свой остров. Долгое время, до 1785 года, стояла тут одна деревянная церковь над мощами угодников; монахов не было при обители; один игумен с двумя священниками удовлетворяли усердию поклонников. Наконец митрополит Гавриил, тронутый запустением древней обители, повелел соорудить ее снова. Здание не велико и не отличается богатством; собор во имя Спаса Преображения окружен двумя рядами келий. В обновленной обители был поставлен игуменом Назарий, тридцать лет проведенный в уединении. Следуя его примеру, ученики его основали 14 пустыней кругом монастыря, из коих только четыре обитаемы; в одной из них установлено неумолкаемое чтение псалмов, для чего восемь отшельников сменяются каждые два часа.

На этом диком уединенном острове находится, вероятно, мнимый гроб шведского короля Магнуса, будто бы занесенного сюда бурей после битвы и принявшего здесь святое крещение. Надпись, находящаяся на деревянной доске его гроба, в совершенно новом слогe, так что нельзя отнести ее далее половины прошедшего столетия.

Остров Валаам был в августе 1818 года посещаем императором Александром. Победитель Наполеона, герой, даровавший мир и свободу всей Европе, приехал в Валаам один: молился, беседовал с пустынноиками, и уехал, осыпав мо-

настырь своими милостями. Игумен Ионафан впоследствии имел всегда свободный вход в государевы покои.

Эта глава, кроме описания обителя, замечательна еще каким-то особенным поэтическим чувством. Пустыня, уединение, где, казалось бы, должно увянуть воображение, возбуждают его в высокой степени, и мы с живым удовольствием внимаем автору, когда он плывет через Ладожское озеро, ночью, при духовном пении кормчего-инока, или когда слушает трогательный рассказ игумена о св. царевиче Иоасафе, оставившем царство земное для небесного, и, умиляясь мысленным зрелищем смиренного приюта отшельников, невольно повторяем с автором стихи, которые желает он вложить в их уста:

Моря житейского шумные волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здесь обрели.
Здесь невечернею радостью полны,
Слышим вдали —
Моря житейского шумные волны!

Примечания

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Журнал министерства народного просвещения, 1836, № VIII, с. 391–410, с подписью «И. Тургенев».

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т, ПСС, 1897*, т. X, с. 244–263. До включения в собрание сочинений Тургенева рецензия эта полностью была перепечатана (*Рус Вед*, 1889, № 9, с. 40–55) Н. П. Барсуковым, который считал ее несправедливо забытой.

Автограф неизвестен.

Датируется 1836 г.

Автор книги, разбираемой Тургеневым, – Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), писатель, влиятельный чиновник Синода. Во время русско-турецкой войны был на дипломатической службе. После заключения мира в 1829 г. отправился в Палестину и описал свою поездку в книге «Путешествие ко святым местам в 1830 году». СПб., 1832. Кроме нее и разбираемого Тургеневым «Путешествия по святым местам русским», Муравьев написал ряд сочинений подобного же рода, драмы «Битва при Тиверияде» и «Михаил Тверской» (отрывки из первой напечатаны Пушкиным в «Современнике» 1836 года, кн. II), а также ценные воспоминания – «Знакомство с русскими поэтами». Киев, 1871. В

1837 г. А. Н. Муравьев был избран членом Российской Академии.

История написания рецензии изложена Тургеневым в его письме в редакцию «Вестника Европы» от 21 ноября (3 декабря) 1875 г. «В „Московских ведомостях“, – писал Тургенев, – появилась заметка г-на П. Библиографа, в которой указывается на разбор книги Муравьева: „Путешествие по святым местам русским“, помещенный в „Журнале Министерства просвещения“ за 1836 год, как на *первое* мое печатное произведение. Существование этой статьи меня удивило более, чем кого-либо. Мне тогда только что минуло семнадцать лет, я был студентом С.-Петербургского университета; родственники мои, в виду обеспечения моей будущей карьеры, отрекомендовали меня Сербиновичу, тогдашнему издателю „Журнала Министерства просвещения“. Сербинович, которого я видел всего *один* раз, желая, вероятно, испытать мои способности, вручил мне ту книгу Муравьева с тем, чтобы я разобрал ее; я написал нечто по ее поводу – и вот теперь, чуть не через сорок лет, я узнаю, что это „нечто“ удостоилось тиснения. Ни тогда, ни впоследствии я моей напечатанной статейки в глаза не видал! Вы, конечно, согласитесь со мною, что не могу же я, по совести, считать это ребяческое упражнение своим первым литературным трудом» (ВЕ, 1876, кн. 1, с. 430).

Соглашаясь с Тургеневым, что его первое печатное произведение не имеет серьезного литературного значения, нель-

зя не отметить, однако, проявленную им самостоятельность в оценке рецензируемой книги. Если в рецензиях на «Путешествие по святым местам русским», появившихся одновременно с рецензией Тургенева, в первую очередь отмечалось, что эта книга будет способствовать пробуждению в читателях религиозных чувств (см., например. *Б-ка Чит*, 1836, т. XVII, отд. V, с. 1–26, *Сев Пчела*, 1836, № 109), то Тургенев понял ее значение иначе. Сказав во вступительной части рецензии об историческом значении принятия Россией христианства, Тургенев подчеркнул, что книга Муравьева интересна своими рассказами о монастырях, которые в прошлом сыграли значительную роль как крепости, противостоявшие иноземным захватчикам, а в настоящее время являются хранилищами памятников русской старины: летописей, созданий зодчества, живописи и т. д. Впоследствии с точки зрения исторической и научной, а не только религиозной, книга А. Н. Муравьева была оценена на страницах «Отечественных записок» (1840, № 7, отд. VI, с. 11–14) и «Литературной газеты» (1840, № 60, с. 1490–1491). Рецензент «Отечественных записок» писал: «В первый раз еще прочла русская публика книгу религиозного содержания, не только исполненную благочестивых чувствований <...>, но и отличающуюся ученостью и изложенную живо, народною речью, языком опытного и талантливоего литератора» (с. 11).

Условные сокращения

Архивохранилища

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Анненков — Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит — «Библиотека для чтения» (журнал).

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).

Вольф, Хроника — Вольф А. И. Хроника Петербургских

театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И.

Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неиз-

данные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н.

Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955 (Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.